

Е.С. РОМАНЧУК

аспирант, младший научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

СОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ОЭСР И МНОГОСТОРОННИХ ИНСТИТУТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

В последние годы Узбекистан стал одним из основных получателей средств официальной помощи развитию, направляемых в государства постсоветского пространства. В данной статье проанализирована структура этой помощи, ее динамика по годам и приведены основные мотивы развитых государств (доноров) в их стремлении помогать экономическому развитию Узбекистана. С учетом того вклада, который различные доноры вносят в официальную помощь развитию, они разделены на три группы: азиатские государства; страны, расположенные вне региона; международные институты, включая многосторонние банки развития. По итогам проведенного анализа был сделан вывод о том, что в краткосрочной перспективе наиболее результативным для Узбекистана представляется сотрудничество с КНР, а в долгосрочной перспективе, принимая во внимание необходимость проведения в стране структурных реформ, больше выгоды принесет взаимодействие с многосторонними институтами развития, Японией, Республикой Корея и европейскими государствами.

Ключевые слова: официальная помощь развитию, ОЭСР, Узбекистан, многосторонние институты.

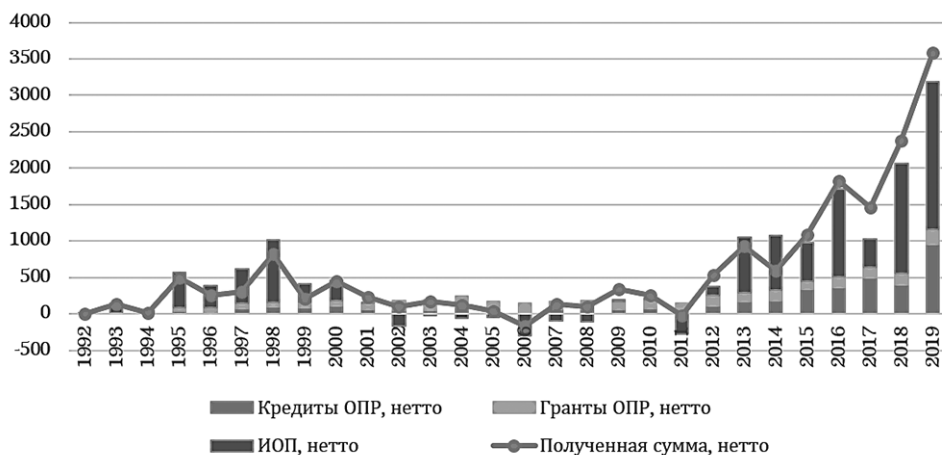
JEL: F34, F35.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_131_152.

Идея о том, что более сильные нации несут особую ответственность по отношению к более слабым государствам, получила развитие в шестидесятых годах прошлого века одновременно с созданием Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и с началом сбора и обработки данных о потоках ресурсов, направляемых в развивающиеся страны. С этого времени стало возможным оценить вклад в мировое развитие каждого государства, подающего сведения в ОЭСР, и отследить активность по данному направлению в разрезе

отдельных развивающихся государств и регионов. Стоит отметить, что особенностью статистических данных по объемам помощи является временной лаг, с которым они публикуются. В частности, поэтому в настоящей статье приводятся данные за период до 2019 г. включительно, так как сформированных и выверенных специалистами ОЭСР итоговых данных по каждому донору и стране-реципиенту за 2020–2021 гг. пока нет.

Показатели последнего из доступных годов по странам постсоветского пространства, свидетельствующие, что Республика Узбекистан получила 3,6 млрд долл. США или около трети поступивших в регион средств в рамках официальной помощи развитию (далее – ОПР)¹, заставляют задуматься о том, с чем может быть связан оптимизм государств-членов ОЭСР в отношении этой страны и их желание помогать ей больше остальных. Стремительность роста объемов разного рода иностранной помощи Узбекистану за последние два года лучше всего иллюстрирует график на рис. 1. Так, сумма помощи, поступившая в Узбекистан в 2019 г., была в 2,5 больше помощи в 2017 г. При этом увеличение поступлений денежных средств в страну происходит как за счет роста объемов кредитов и грантов ОПР, так и благодаря наращиванию объемов поступлений иных источников помощи.

Источник: составлено автором по данным Creditor Reporting System (CRS). <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1#> (дата обращения: 05.04.2022).

Рис. 1. Динамика иностранной помощи Республике Узбекистан, млн. долл. США

¹ Рассчитано автором на основании данных, опубликованных в ежегодном сборнике ОЭСР [4]. Всего в страны постсоветского пространства поступило порядка 11,3 млрд долл. США

Большие объемы «дешевых» инвестиций в развитие Узбекистана делают актуальным рассмотрение вопросов о том, какие страны и институты, в каких объемах и с какой целью помогают республике.

Но прежде стоит пояснить значение используемой в данной статье терминологии. Государства-члены ОЭСР с развитой экономикой в обязательном порядке ежегодно отчитываются об объемах помощи, предоставленной развивающимся государствам в целях развития. Некоторые страны, не входящие в ОЭСР, и многосторонние организации публикуют отчеты об объемах выдаваемой ими ОПР на добровольной основе. Согласно классификации ОЭСР, в группу «ОПР» попадает информация о средствах, выделенных в виде грантов, а также льготные кредиты со сроком погашения более одного года, включающие субсидиарный элемент в размере не менее 25%. В случае, если выполняется один из двух критериев (размер субсидиарной части или цели использования), то эти операции учитываются среди «иных официальных потоков» (ИОП) [1, р. 872].

Мотивы доноров и эффективность иностранной помощи

В теоретической литературе, посвященной анализу иностранной помощи развивающимся государствам, как, например, в известной работе Р. Риддела «Действительно ли работает иностранная помощь?», обычно приводят следующие мотивы стран-доноров: помощь развивающимся странам в развитии (экономический рост и сокращение масштабов нищеты), укрепление исторических связей, борьба с терроризмом, защита прав человека и другие [2, pp. 91–92]. В то же время, как указывал другой американский исследователь С. Ланкастер [3], за актом оказания развитым государством помощи может скрываться сочетание как гуманитарных, так и эгоистичных мотивов, при этом в определенные моменты времени и в отношении конкретных получателей и контекстов акцент смещается.

П. Франциссо, С.Б. Мореира и Й. Саиано [4] обобщили возможные мотивы действий развитых государств по оказанию помощи развивающимся странам и предложили сгруппировать их в пять крупных категорий: идеологические, политические, коммерческие, охранительные (*англ.* securitarian) и культурные. Дж. Сакс отмечает, что с идеологической точки зрения ОПР воспринимается развитыми государствами как моральный долг, связанный с солидарностью богатых стран с более бедными странами в рамках сочувствия к отдельным народам [5]. В этом смысле сильное влияние, по мнению Р. Раджана и А. Субраманиана, могут оказывать бывшие колониальные связи [6].

Политический мотив проявляется в использовании ОПР для укрепления национального влияния и престижа развитого государства как

в отношении получателей помощи, так и в среде сообщества доноров. Ф. Бикенбах, А. Мбели и П. Нунненкамп, проанализировав основания предоставления двусторонней и многосторонней помощи развивающимся государствам за период 1995–2015 гг., пришли к выводу, что это делается не всегда «на основе заслуг», т.е. не только нуждающимся странам с «относительно хорошим [государственным] управлением» [7]. Промышленно развитые страны могут использовать помощь для покупки «военной поддержки или голосов в международных органах, поддержке дружественных правительств, вознаграждении стран, которые открыты для экспорта доноров, или, в более общем плане, “покупке” услуг у правительства получателя в обмен на помощь» [8, р. 734]. Также нередки случаи использования донором помощи с целью поощрения его национальной культуры в стране-реципиенте, включая его язык. Так, Ф. Пакеман, проанализировав стратегии и виды содействия, предоставляемого Францией и Великобританией их бывшим колониям, указывает на сильное языковое влияние доноров и их права в государствах-получателях помощи. Также тесное сотрудничество Франции с ее бывшими колониями обеспечивается, по мнению автора, за счет продолжения функционирования в Африке валютных зон с привязкой к евро [9].

Стимулом для оказания помощи может стать наличие значительных коммерческих связей между донорами и реципиентами. В этом случае ОПР предоставляется реципиенту для оплаты поставляемых компаниями страны-донора товаров и оказываемых услуг, что прежде всего способствует расширению возможностей для развитого государства. Э. Лундсгаарде, Ч. Бреуниг и А. Пракаш проанализировали мотивы предоставления помощи развитыми государствами с 1980 по 2002 гг. и выявили, что в этот период преобладала логика «помощь после торговли» [10], т.е. во главу угла ставилось укрепление существующих двусторонних торговых связей со странами-получателями.

В XXI веке иностранная помощь стала активно использоваться не только как политический или экономический инструмент, но и как способ повышения национальной безопасности доноров, особенно в отношении угроз, связанных с терроризмом, незаконным оборотом запрещенных веществ, незаконной иммиграцией и торговлей людьми. Иными словами, как утверждал Р. Риддел, доноры предоставляют помощь развивающимся странам для того, чтобы обезопасить себя от конкретных угроз, исходящих от определенных бенефициаров [11]. В продолжение данной логики П. Кольер и А. Хеффлер утверждали, что иностранная помощь может сыграть значительную роль в предотвращении конфликтов, а также в улучшении перспектив постконфликтного мира и процветания [12].

В дополнении к изложенному выше стоит отметить еще две особенности иностранной помощи. Первую заметили Э. Фрот и Дж. Сантисо, назвав ее стадным поведением: когда бенефициар получает больше помощи от одного конкретного донора, он может в равной степени привлечь больше помощи от других [13]. Вторую особенность выявили Э. Дабла-Норрис, С. Миною и Л. Занна: пожертвования на оказание помощи значительно сокращаются, когда доноры испытывают резкие спады в экономике [14].

Дебаты об эффективности иностранной помощи ведутся давно. Авторы, пишущих работы по данной тематике, можно условно разделить на три группы. Первую группу представляют те, которые утверждают, что иностранная помощь обеспечивает необходимый капитал для стимулирования развивающихся стран к самоподдерживающемуся экономическому росту [15], а адресная помощь может способствовать искоренению нищеты в этих государствах [16].

Ко второй группе относятся критики иностранной помощи, как например, Х. Дукулиагос, М. Палдам [17], а также Д. Мойо, который утверждает, что помощь «увечивает цикл нищеты и подрывает устойчивый экономический рост» страны [18, р. 28]. Третью группу составляют ученые, считающие, что помощь может быть эффективной при определенных условиях (например, К. Гомани и др. [19]). Эффективность зависит от используемого донорами для распределения помощи метода и таких характеристик государства-получателя, как качество государственного управления, институциональный потенциал страны и прочее [20]. Структурная уязвимость страны-реципиента к внешним потрясениям также имеет значение [21].

Азиатские доноры Узбекистана

Оценка реальной активности доноров в той или иной стране осложняется тем, что крупнейшие экономики мира, такие как Бразилия, Индия, Индонезия, Китай и ЮАР, не отчитываются перед ОЭСР [22]. Группы исследователей из разных стран пытаются определить размер помощи развивающимся государствам, поступающей из этих стран, но полученные ими данные не всегда точно отражают картину по тому или иному донору. В частности, интерес представляют расчеты экспертов в рамках проекта AIDDATA. В списке из 25 государств, получивших наибольший объем средств, которые можно было бы классифицировать как ОПР, в период с 2000 по 2017 гг., Узбекистан занимает 12-е место с суммой поступлений в размере 2,24 млрд долл. США [23, pp. 19–20].

В январе 2020 г. открылся первый в Центрально-Азиатском регионе офис экономического сотрудничества КНР [24], что свидетельствует о приоритетности Узбекистана в центральноазиатской политике Пекина.

По состоянию на середину 2021 г. из 24,2 млрд долл. США долг Узбекистана перед китайскими финансовыми институтами (Эксимбанком Китая и Государственным банком развития КНР) составлял 4,2 млрд долл. США или 17,3% от всего объема внешнего долга [25]. Китайский капитал инвестируется в широкий спектр проектов, включая традиционную и возобновляемую электроэнергию, нефтехимию, строительство и текстильную промышленность, а также в быстро развивающиеся цифровую инфраструктуру и телекоммуникации [26].

Исходя из незначительной доли Узбекистана во внешнеторговом обороте Китая, равной 0,12% (табл. 1), интересы последнего вряд ли можно объяснить торговыми вопросами. В то же время географическое положение Поднебесной играет значительную роль. Центрально-Азиатский регион выступает как буферная зона между Афганистаном и Синьцзян-Уйгурским автономным округом, входящим в состав КНР, а также служит «сухопутным транзитным узлом для всего континента» [27]. В видении китайских экспертов экономическое развитие считается основой сохранения стабильности и безопасности как в отдельной стране, так и в регионе в целом [28]. Поэтому политические мотивы Пекина подкрепляются кредитами его финансовых институтов.

Таблица 1

Показатели значимости ключевых торговых партнеров во внешней торговле Узбекистана в 2020 году

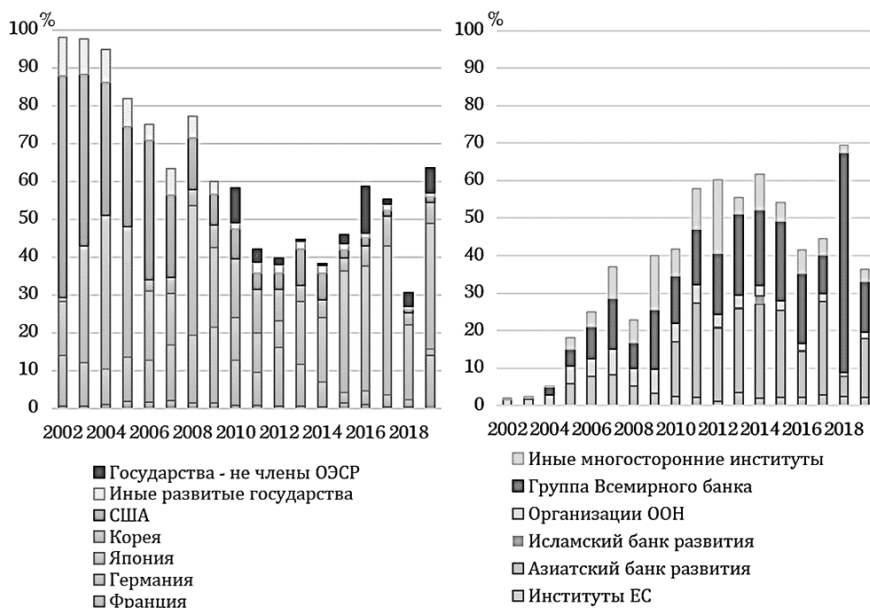
	Экспорт из РУ*, млн долл. США	Доля от экспорта из РУ, %	Доля от импорта в страну назначения, %	Импорт в РУ, млн долл. США	Доля от импорта в РУ, %	Доля от экспорта из страны назначения, %	Внешнеторговый оборот, млн долл. США	Доля от всего товарооборота РУ, %	Доля от внешнеторгового оборота страны назначения, %
Китай	1282	9,77	0,06	4426	22,18	0,17	5708	17,25	0,12
Россия	1162	8,85	0,50	4080	20,44	1,21	5242	15,84	0,92
Казахстан	732	5,58	1,92	2091	10,48	4,45	2824	8,54	3,32
Республика Корея	20	0,15	0,00	1935	9,69	0,38	1955	5,91	0,21
Турция	949	7,23	0,43	1073	5,37	0,63	2022	6,11	0,52
Германия	22	0,17	0,00	692	3,47	0,05	714	2,16	0,03

*РУ – Республика Узбекистан.

Рассчитано по: Trade Map – Trade statistics for international business development. <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 05.04.2022).

Расширение финансового сотрудничества Узбекистана с Китаем за последние пять лет объясняется появившимися возможностями для институтов развития КНР, связанными с пересмотром узбекской долговой политики и стремительным наращиванием государственного внешнего долга республики. Значительно снижает риск возможного невозврата инвестиций, вложенных в проекты на территории республики, включение в соглашения о предоставлении кредитов положения, позволяющего кредитору расторгнуть контракт и потребовать немедленного погашения в случае значительных изменений законодательства или политики в стране-должнике, а также нормы «без Парижского клуба», которая прямо обязывает заемщика исключить долг из реструктуризации в Парижском клубе официальных двусторонних кредиторов и из любого сопоставимого режима задолженности [29].

В отличие от Пекина Токио старается жестко придерживаться западных либеральных и демократических норм. При этом Япония предоставляет ОПР Узбекистану больше других доноров, отчитывающихся перед ОЭСР (см. рис. 2). Приоритетными сферами направления японской помощи Узбекистану являются: модернизация существующей транспортной и энергетической инфраструктуры, подготовка кадров для государственного и частного секторов экономики, институциональное строительство и оказание помощи бедным и социально уязвимым слоям общества [30].

Источник: составлено автором по данным Creditor Reporting System (CRS). <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1#> (дата обращения: 05.04.2022).

Рис. 2. Соотношение взносов развитых государств (слева) и многосторонних институтов (справа) в ОПР Узбекистану

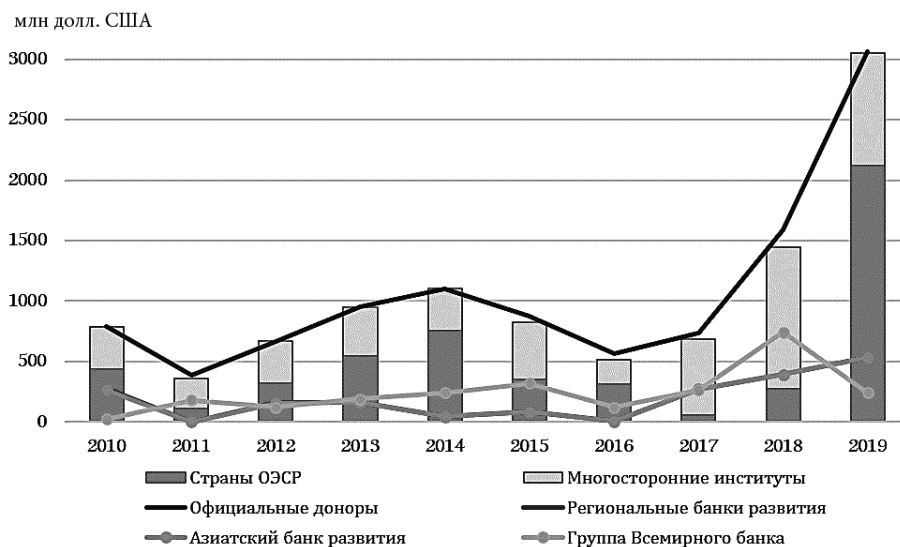
Большая часть японских ресурсов направляется в сферу электроэнергетики. Через Японский банк международного сотрудничества (*англ.* Japan Bank for International Cooperation) реализованы такие проекты как строительство Шуртанского газохимического комплекса и реконструкция Ферганского нефтеперерабатывающего завода [34]. Одним из крупнейших проектов, профинансированных за счет займа Японского агентства по международному сотрудничеству (*англ.* Japan International Cooperation Agency), стал проект, предусматривающий строительство двух энергоблоков Туракурганской ТЭС. Его стоимость составила около 1,2 млрд долл. США, из которых около 60% было предоставлено агентством, остальные – Фондом реструктуризации и развития Узбекистана и АО «Узбекэнерго». Строительство двух парогазовых установок осуществлял консорциум японских компаний японских Mitsubishi Corporation и Mitsubishi Hitachi Power Systems, партнером по строительству ряда компонентов стала турецкая Calik Enerji Sanayi ve Ticaret AS [32]. Указанные компании также участвовали в модернизации Навойской ТЭЦ, стоимостью 550 млн долл. США, из которых заём Японского агентства составил 300 млн долл. США [33].

В 2019 г. на реализацию второй фазы Навойской ТЭЦ агентством одобрено предоставление Республике Узбекистан двух кредитов по линии ОПР на беспрецедентно большую сумму, эквивалентную 1 176 млн долл. США. Еще два кредита на сумму, эквивалентную 335,8 млн долл. США, будут потрачены на «создание безопасной и автономной системы эксплуатации, технического обслуживания и управления существующими электростанциями путем модернизации оборудования и поставки запасных частей, а также развития потенциала персонала по эксплуатации и техническому обслуживанию»².

В итоге показатели взятых развитыми странами обязательств (*англ.* Commitments) в отношении помощи Узбекистану в 2019 году увеличились более чем в 38 раз по сравнению с предыдущим годом (рис. 3).

Обращает на себя внимание тот факт, что такому масштабному инвестированию японских институтов в сферу электроэнергетики Узбекистана предшествовало ее тщательное изучение в 2000-х годах, а также работа с другими организациями, финансирующими проекты в данной области. Например, в 2010–2015 гг. Японское агентство по международному сотрудничеству профинансировало модернизацию Талимарджанской ТЭС на 300 млн долл. США. Общая стоимость проекта составила 1,28 млрд долл. США, из которых 350 млн долл. США выделил Азиатский банк развития (АБР). Он же осуществлял администрирование кредита агентства.

² Данные взяты из статистической базы ОЭСР. <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1#> (дата обращения: 15.12.2021).

Источник: составлено автором по данным <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1#> (дата обращения: 05.04.2022).

Рис. 3. Обязательства доноров ОПР по годам, млн долл. США

Третьей по активности, в части предоставления инвестиционных ресурсов в рамках ОПР и ОИП, на протяжении многих лет была Республика Корея (см. рис. 2). Корейские кредитно-инвестиционные институты участвуют в реализации многочисленных проектов и программ в различных регионах Узбекистана, включая свободные индустриально-экономические зоны «Навои» и «Ангрен», а также в развитии межконтинентального логистического центра в аэропорту Навои [34].

Культурные связи, а точнее, присутствие большой корейской диаспоры в Узбекистане, рассматривается многими учеными в качестве обоснования тесного экономического сотрудничества двух государств. И действительно, личные отношения важны для того, чтобы доноры воспринимались участниками из стран-партнеров как более влиятельные в определении повестки дня и более полезные в реализации определенной политики [35]. Но не они играют важную роль в развитии узбекско-корейского сотрудничества, а инвестиции южнокорейских частных компаний [36, pp. 5–7]. Сегодня Республика Корея, будучи одним из крупнейших экономических партнеров Узбекистана с точки зрения объемов торговли и инвестиций, по структуре сотрудничества может предложить Узбекистану больше, чем какая-либо другая страна [37].

Развитие взаимодействия Республики Корея с центральноазиатскими республиками отличает то, что не правительства стран инициировали кооперацию предприятий, а наоборот: успехи ведущих корей-

ских предприятий в странах Центральной Азии (автомобильный завод Daewoo, Daewoo Unitel, Kabool Textiles и т.д.) в качестве «побочного эффекта» привели к более широкому участию корейского правительства в делах Центральной Азии.

Помощь стран, расположенных вне региона

Наряду с Китаем, Японией и Республикой Корея в развитие Узбекистана инвестируют и европейские государства. С точки зрения тех изменений, которые сопровождают помощь из Европы, она представляется самой заметной в республике. Приоритетами Европейского Союза (ЕС) являются как продвижение общечеловеческих ценностей – соблюдение прав человека, развитие гражданского общества и верховенство закона, так и укрепление безопасности в «Большой Центральной Азии», включающей Афганистан [38, р. 2].

Установка Европейского парламента «увязывать предоставление помощи Узбекистану из внешних финансовых инструментов ЕС и кредитов ЕИБ [Европейского инвестиционного банка] и ЕБРР [Европейского банка реконструкции и развития] с продолжением прогресса в реформировании [страны]» [39], которой вынуждены следовать европейские государства и их институты развития, определяет необходимость узбекских властей идти на уступки для получения выгод от сотрудничества с ЕС. Так, для получения преференциального доступа узбекских товаров на европейский рынок по системе GSP+ Правительство Республики Узбекистан должно было не просто подписать 27 международных конвенций в отношении защиты прав человека, охраны окружающей среды и борьбы с коррупцией [43]³, но и подтвердить их соблюдение внутри страны.

В 2019 г. совокупная помощь Узбекистану Германией, Францией и Швейцарией составила 574 млн долл. США (или около трети помощи, поступившей от развитых стран) (подробнее см. табл. 2).

Наиболее активной по узбекскому направлению является Французская Республика. В ходе визита Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева в эту страну в 2018 г. было подписано 17 документов в инвестиционной сфере на сумму около 4 млрд евро, включая Соглашение о сотрудничестве с Французским агентством развития (*фр.* Agence Française de Développement) на сумму чуть более 1 млрд евро,

³ Подробный перечень приведен в Annex VII к Regulation (Eu) No 978/2012 Of The European Parliament And Of The Council. Applying a scheme of generalised tariff preferences and repealing Council Regulation (EC) No 732/2008. 25 October 2012. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32012R0978&from=EN#d1e32-58-1> (дата обращения: 15.12.2021).

Таблица 2

Помощь развитию Узбекистана, предоставляемая развитыми государствами (нетто), млн долл. США

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Бельгия	-0	4	3	-2	4	-1	6	0	4	43
Франция	1	-14	70	38	32	33	-1	30	4	191
Германия	-16	-32	58	80	53	126	73	30	298	200
Япония	-83	-174	-9	221	10	89	1 024	253	606	455
Республика Корея	185	24	-36	26	403	154	119	31	27	460
Нидерланды	7	н/д	н/д	н/д	-531	2	19	501	-2	98
Швейцария	1	37	-27	66	4	3	3	9	64	183
США	15	6	17	28	20	7	12	4	14	31
Иные развитые государства	42	64	22	-91	89	2	65	-1	1	32
Иные страны	47	14	9	7	4	9	70	4	45	85

Источник: составлено автором по данным <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1#> (дата обращения: 05.04.2022).

а также 5 торговых контрактов на сумму 23 млн долл. США [41]. Результатом углубления двусторонних взаимоотношений государств стал приход в страну четырех крупнейших французских компаний – Renault, Veolia, Suez и Total [42].

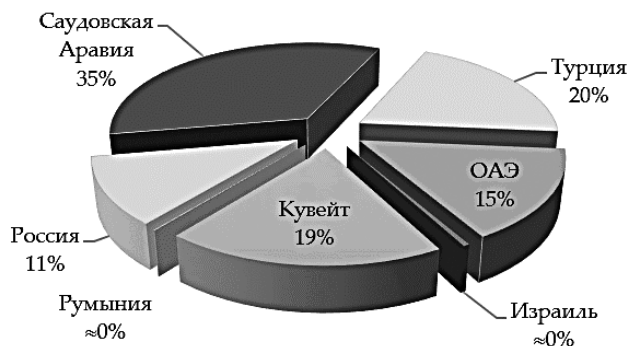
Немецкая корпорация международного сотрудничества (нем. Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH) на конец 2021 года имела скромный проектный портфель в Узбекистане: 19 текущих проектов с объемом снятого финансирования в 71,4 млн евро⁴. Однако его неоспоримым преимуществом стал «точечный подход» с акцентом на проведение исследований и подготовку технико-экономической документации по проектам. В частности, совместно с иностранными партнерами и национальными властями центральноазиатских государств немецкая корпорация проводит цифровизацию транспорта, внедряя «зеленые коридоры» – систему «экспресс-полос», позволяющую быстро пересекать границы для перевозок TIR⁵ с использованием цифровых гарантий.

⁴ Данные взяты с официального сайта организации: <https://www.giz.de/projekt/region/2/countries/UZ> (дата обращения: 15.12.2021).

⁵ Carnet TIR – документ таможенного транзита, дающий право перевозить грузы через границы государств в опломбированных таможенной кузовах автомобилей или контейнерах с упрощением таможенных процедур.

Необходимо отметить, что Швейцарская Конфедерация чувствует особую ответственность за судьбу Узбекистана (в 2019 году она предоставила ей помощь на сумму 183 млн долл. США), поскольку представляет интересы республики, а также некоторых других центральноазиатских государств в Советах директоров институтов Группы Всемирного банка, Международного валютного фонда и ЕБРР. В основе швейцарского стратегического подхода к работе со странами Центральной Азии лежит гидродипломатия – использование воды в качестве инструмента сотрудничества и мира, что включает в том числе совместное управление водной инфраструктурой и совместные инвестиции в нее [43; Р. 16]. Кроме того, Швейцария не оставляет без внимания сферу внешнеторгового сотрудничества. Например, в октябре 2021 г. были подписаны документы о присоединении Узбекистана к финансируемой Швейцарской Конфедерацией Глобальной программе содействия торговле (*англ.* Global Trade Facilitation Program), оказывающей помощь странам в приведении их торговой практики в соответствие с Соглашением ВТО об упрощении процедур торговли [44].

Помощь доноров из мусульманских государств – Саудовской Аравии, Турции, Кувейта и ОАЭ – не так существенна, как вложения азиатских крупных держав или европейцев: в 2019 году размер ОПР приблизился к цифре в 60 млн. долл. США (рис. 4). Отношения Узбекистана с исламским миром и его представителями Пакистаном и Саудовской Аравией, которые считаются источником возможных фундаменталистских волнений, всегда оставались сдержанными. После распада СССР ислам стал «обязательным эталоном идентичности, из которого нынешние элиты черпают свою легитимность» (первый президент Республики Узбекистан Ислам Каримов приносил присягу на священном для мусульман писании – Коране) [45], но не более.

Источник: составлено автором по данным <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1#> (дата обращения: 05.04.2022).

Рис. 4. Помощь развитию, предоставляемая Узбекистану, государствами – не членами ОЭСР (нетто)

Сложности состоят и с данными по объемам донорских средств, предоставляемых развивающимся государствам Россией. В соответствии с информацией, представленной на официальном сайте ОЭСР, за последние 10 лет ежегодный объем ОПР, выделенный Российской Федерацией развивающимся государствам, составлял в среднем 550,4 млн долл. США, что значительно меньше значений ОПР от ОАЭ (ежегодно в среднем 3 086,7 млн долл. США), Саудовской Аравии (3 763,8 млн долл. США) и Турции (4 616,4 млн долл. США). При этом более трети (35,7%) средств российской ОПР за указанный период направлено на Кубу, пятая часть (20,8%) – в Киргизию, менее десятой части (8,1%) – в КНДР, а 10% – остались без уточнения места назначения. Российская помощь предоставлялась развивающимся государствам исключительно в качестве грантов ОПР и только «по ранее возникшим обязательствам». Годы принятия на себя нашей страной обязательств в отношении развивающихся государств в базе статистической информации ОЭСР найти не удалось.

С 2007 г. по 2019 г. Россия предоставила Узбекистану в совокупности 14,9 млн долл. США (0,27% от всего объема ОПР), из них 9,62 млн долл. США были выделены в 2019 г., а в 2018 г. и 2017 г. – 2,3 и 0 млн долл. США соответственно. По предварительным данным, в 2020 г. Узбекистан получил от России грант в размере 5,8 млн долл. США. Уточнить назначение помощи не представляется возможным, поскольку во всех случаях в колонке под названием «тип помощи» ставится «Мероприятия проектного типа» (англ. “Project-type interventions”), в колонке с наименованием сектора – «Сектор не уточнен» (англ. “Sectors not specified”). Сопоставляя сообщения российских СМИ, можно предположить, что за 2019 год отражена безвозмездная техническая помощь Узбекистану для создания системы работы с налогоплательщиками в Узбекистане, обучения сотрудников налоговых органов и пр. [46].

Содействие развитию Узбекистана со стороны многосторонних институтов

Многосторонние институты, особенно Группа Всемирного банка (ВБ)⁶ и АБР, так же, как и ключевые доноры Узбекистана, увеличили объемы инвестируемых в развитие республики средств (рис. 5). Но если АБР планомерно наращивал свое присутствие в стране, но ВБ расширил сотрудничество исключительно в 2018–2019 гг., когда были подготовлены концепции будущих реформ и начата их имплементация.

⁶ В данном случае речь идет о двух институтах, входящих в Группу Всемирного банка: Международном банке реконструкции и развития и Международной ассоциации развития.

ция. Конкурентным преимуществом АБР является его более полное понимание особенностей Центральной Азии, возможности в части предоставления грантов на различные цели, включая подготовку технико-экономического обоснования проектов, а также умение «подстраиваться» под конкретные нужды заемщиков.

Как показало исследование К. Гуффлера и др., многосторонние доноры оказываются более влиятельными и более полезными, чем двусторонние доноры [39]. Хотя их помощь в большинстве случаев удовлетворяет только одному из двух критериев ОПР, объем средств по линии ИОП, выделяемых многосторонними институтами Узбекистану, практически равен вложениям развитых государств по той же линии. Вместе с тем участие многосторонних банков развития в крупных проектах на территории Узбекистана стимулирует частных инвесторов вкладывать средства в эту страну.

Источник: составлено автором по данным <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1#> (дата обращения: 05.04.2022).

Рис. 5. Помощь развитию, предоставляемая Узбекистану многосторонними институтами (нетто), млн. долл. США

В этой связи показательным является не объем выделяемых в каждом году средств, а размер взятых развитой страной или многосторонним институтом обязательств. Несмотря на то, что графики на рисунках 1 и 4 иллюстрируют одну и ту же тенденцию, а именно, прирост помощи в геометрической прогрессии, с точки зрения планирования будущих финансовых потоков страны более информативным является график на рис. 3. Опираясь на его показатели, можно достаточно уверенно утверждать, что в ближайшие несколько лет Узбекистан продолжит получать значительные объемы помощи.

Исходя из данных, представленных в табл. 3 и графиках на рис. 3, можно сделать следующие выводы. Во-первых, о значительном влиянии фактора социально-политической стабильности при принятии развитыми государствами решения о выделении средств Узбекистану (и в этом смысле показательным является «переходный» 2016 г.); во-вторых, о процикличном подходе многосторонних банков развития, выражающемся в увеличении доли ОПР в общей ИПР в спокойные, с точки зрения внутренней политики, годы – 2010, 2013 и 2017; и наконец, о том, что с увеличением общего размера предоставляемой Узбекистану помощи, доля в ней ОПР снижается.

Таблица 3

Доля ОПР в общем объеме иностранной помощи Узбекистану по отдельным категориям доноров, %

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Официальные доноры	59	39	38	42	53	48	61	35	42	58
Страны – члены ОЭСР	100	85	100	71	77	73	99	80	100	100
Многосторонние институты	5	12	4	4	13	17	58	21	15	19
Региональные банки развития	33	0	15	13	7	12	2	17	22	27
Азиатский банк развития	67	0	49	100	45	53	5	41	51	44
Группа Всемирного банка	100	62	40	96	59	62	48	88	48	26

Источник: Рассчитано данным <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=CRS1#> (дата обращения: 05.04.2022).

В заключение считаем необходимым еще раз обратиться к табл. 1, в которой приведены данные по внешнеторговому взаимодействию республики с 6-ю основными ее партнерами, на которые приходится до 72% всего импорта республики и 32% ее экспорта. Исходя из показателей доли Узбекистана в экспортно-импортных операциях указанных государств, можно заключить, что торговля с республикой не является ключевым приоритетом ни для одной из этих стран, кроме соседнего Казахстана. Между тем, как было показано выше, мотив расширения двустороннего экономического сотрудничества остается ключевым для азиатских государств. Европейские страны, в свою очередь, делают больший упор на выстраивание внутрорегиональных связей Узбекистана с граничащими с ним государствами, но при этом также проявляют готовность и к увеличению инвестиционного сотрудничества.

Политические аспекты играют существенную роль в предоставлении Узбекистану иностранной помощи. Уступчивость Ташкента в части соблюдения международных норм, а также его стремление идти на сближение с европейскими и азиатскими странами, наряду со стабильностью внутри государства, порождают у доноров желание вкладывать значительные суммы в развитие республики, о чем свидетельствуют цифры международной статистики. В краткосрочной перспективе Узбекистану выгодно сотрудничество с КНР, но с точки зрения долгосрочного взаимодействия наиболее интересными представляются перспективы, которые открываются при сотрудничестве республики с Японией, Республикой Корея и европейскими странами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Geographical Distribution of Financial Flows to Developing Countries 2021. OECD, 2021. https://read.oecd-ilibrary.org/development/geographical-distribution-of-financial-flows-to-developing-countries-2021_a50961e5-en-fr#page872 (дата обращения: 05.04.2022).
2. Riddell R.C. Does foreign aid really work? New York: Oxford University Press, 2008.
3. Lancaster C. Foreign Aid: Diplomacy, Development, Domestic Politics. London: University of Chicago Press, 2007.
4. Francisco P., Moreira S.B., Caiado J. Identifying differences and similarities between donors regarding the long-term allocation of official development assistance // Development Studies Research. 2021. Vol. 8:1. Pp. 181–198.
5. Sachs J. The end of Poverty. New York: Penguin Books, 2005.
6. Rajan R.G., Subramanian A. Aid and Growth: What Does the Cross-Country Evidence Really Show? // Review of Economics and Statistics 90, 2008. <http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true%7B%7Ddb=bth%7B%7DAN=34867990%7B%7Dsite=ehost-live> (дата обращения: 05.04.2022).
7. Bickenbach F., Mbelu A., Nunnenkamp P. Is Foreign Aid Concentrated Increasingly on Needy and Deserving Recipient Countries? An Analysis of Theil Indices, 1995–2015 // World Development. 2019. Vol. 115. Pp. 1–16.
8. Sarah Blodgett Bermeo. Aid Allocation and Targeted Development in an Increasingly Connected World // International Organization. 2017. Vol. 71 (4). Pp. 735–766.
9. Pacquement F. Le système d'aide au développement de la France et du Royaume-Uni : points de repère sur cinquante ans d'évolutions depuis la décolonisation // International Development Policy. Revue internationale de politique de développement. 2010. Vol. 1. Pp. 55–80. <https://journals.openedition.org/poldev/114> (дата обращения: 05.04.2022).
10. Lundsgaarde E., Breunig C., Prakash A. Instrumental Philanthropy: Trade and the Allocation of Foreign Aid // Canadian Journal of Political Science. 2010. Vol. 43. Pp. 733–761.
11. Riddell R.C. Does Foreign Aid Really Work? An Updated Assessment. Acton: Australian National University – Development Policy Centre, 2014.
12. Collier P., Hoeffler A. Violent Conflict / in Global Problems: Global Solutions, ed. by B. Lomberg. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Pp. 129–156.

13. *Frot E., Santiso J.* Herding in Aid Allocation // *Kyklos*. 2011. Vol. 64(1). Pp. 54–74.
14. *Dabla-Norris E., Minoiu C., Zanna L.F.* Business Cycle Fluctuations, Large Macroeconomic Shocks, and Development Aid // *World Development*. 2015. Vol. 69. Pp. 44–61.
15. *Clunies-Ross A., Forsyth D., Huq M.* Development economics (1st ed.). Berkshire: McGraw-Hill Higher Education, 2009.
16. *Arndt C., Jones S., Tarp F.* Assessing foreign aid's long-run contribution to growth and development // *World Development*. 2015. Vol. 69. Pp. 6–18.
17. *Doucouliagos H., Paldam M.* Aid effectiveness on accumulation: A meta study // *Kyklos*. 2006. Vol. 59(2). Pp. 227–254.
18. *Moyo D.* Dead aid: Why aid is not working and how there is a better way for Africa. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2009.
19. *Gomanee K., Morrissey O., Mosley P., Verschoor A.* Aid, government expenditure, and aggregate welfare // *World Development*. 2005. Vol. 33(3). Pp. 355–370.
20. *Riddell R.C.* Does foreign aid really work? New York: Oxford University Press, 2008.
21. *Guillaumont P., Chauvet L.* Aid and Performance: A Reassessment // *Journal of Development Studies*. 2001. Vol. 37(6). Pp. 66–92.
22. Other official providers not reporting to the OECD. <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/18b00a44-en/index.html?itemId=/content/component/18b00a44-en#section-d1e57224> (дата обращения: 05.04.2022).
23. *Malik A., Parks B., Russell B., Lin J., Walsh K., Solomon K., Zhang S., Elston T., Goodman S.* Banking on the Belt and Road: Insights from a new global dataset of 13,427 Chinese development projects. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2021.
24. *Yau Tsz Yan.* Chinese Business Briefing: Yuan Welcome, But Flights Cancelled. *Eurasianet*, 4 February 2020. <https://eurasianet.org/chinese-business-briefing-yuan-welcome-but-flights-cancelled> (дата обращения: 05.04.2022).
25. Ўзбекистон Республикаси давлат қарзи ҳолати ва динамикаси шарҳи Ўзбекистон Республикаси Молия вазирлиги. 2021 йилнинг I ярим йиллиги. https://www.mf.gov.uz/media/file_uz/davlat_karzi/2021/nashrlar/Iyarim_2021.pdf (дата обращения: 05.04.2022)
26. *Hashimova U.* Uzbekistan Increasingly Turns to China for Development Loans // *Eurasia Daily Monitor*. 2019. Vol. 16. <https://jamestown.org/program/uzbekistan-increasingly-turns-to-china-for-development-loans> (дата обращения: 05.04.2022).
27. *Umarov T.* China Looms Large in Central Asia. *Carnegie Moscow Centre*, 30.03.2020. <https://carnegiemoscow.org/commentary/81402> (дата обращения: 05.04.2022).
28. *Wang Y.* Offensive for defensive: the belt and road initiative and China's new grand strategy // *Pacific Review*. 2016. Vol. 29. Pp. 455–463.
29. *Custer S., Sethi T., Solis J., Lin J., Ghose S., Gupta A., Knight R., Baehr A.* (2019). Silk Road Diplomacy: Deconstructing Beijing's toolkit to influence South and Central Asia. Williamsburg, VA. AidData at William & Mary, 2019.
30. Политика страновой помощи Республике Узбекистан, март 2017 года. Официальный сайт Посольства Японии в Республики Узбекистан. <https://www.uz.emb-japan.go.jp/files/000306082.pdf> (дата обращения: 05.04.2022).
31. *Madimarov A., Aripova M.* Uzbekistan – Japan: traditional friendship and mutually beneficial cooperation. Institute for Strategic and Regional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan. *Institute for Strategic and Regional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan*, 27.07.2020. <http://isrs.uz/en/maqolalar/>

- uzbekistan-i-aponia-sotrudnicestvo-osnovannoe-na-vzaimovgodnyh-interesah (дата обращения: 05.04.2022).
32. На Туракурганской ТЭС произошло аварийное отключение. *Газета.uz*. 20.11. 2020. <https://www.gazeta.uz/ru/2020/11/20/turakurgan/>(дата обращения: 05.04.2022).
 33. Mitsubishi выиграла тендер на строительство Туракурганской ТЭС. *Газета.uz*. 26.10.2016. <https://www.gazeta.uz/ru/2016/10/26/tes> (дата обращения: 05.04.2022).
 34. *Rakhimov M., Sung Dong Ki*. Uzbekistan and South Korea: towards a special relationship // The Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program Joint Center, 10 JUNE 2016. <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13369-uzbekistan-and-south-korea-towards-a-special-relationship.html> (дата обращения: 05.04.2022).
 35. *Guffler K., Harutyunyan A., DiLorenzo M., Sethi T., Eppler M., Heinelt M.S.* Development Cooperation from a Partner Perspective. How can Germany and other donors perform better in the eyes of their partner countries? German Institute for Development Evaluation (DEval), Bonn, 2020.
 36. *Dadabaev T.* Chinese, Japanese, and Korean Inroads into Central Asia: Comparative Analysis of the Economic Cooperation Roadmaps for Uzbekistan. East-West Center, 2019.
 37. *Dadabaev T.* Transcontinental Silk Road Strategies: Comparing China, Japan and South Korea in Uzbekistan. Abingdon, Oxon, UK: Routledge, 2019.
 38. *Peyrouse S.* A Donor Without Influence. The EU in Central Asia. *PONARS Eurasia Policy Memo* No. 478. 2017. www.ponarseurasia.org/memo/donor-without-influence-european-union-central-asia (дата обращения: 05.04.2022).
 39. European Parliament recommendation of 26 March 2019 to the Council, the Commission and the Vice-President of the Commission / High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy on the new comprehensive agreement between the EU and Uzbekistan. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2019-0224_EN.html (дата обращения: 05.04.2022).
 40. Commission Delegated Regulation (EU) 2021/576 of 30 November 2020 amending Annex III to Regulation (EU) No 978/2012 to include the Republic of Uzbekistan among the countries benefiting from tariff preferences under the GSP+ // *Official Journal of the European Union*, 2021. Vol. 64. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:L:2021:123:TOC> (дата обращения: 05.04.2022).
 41. Постановление Президента Республики Узбекистан от 28.11.2018 № ПП-4037 «О мерах по дальнейшему расширению и укреплению двустороннего сотрудничества между Республикой Узбекистан и Французской Республикой». https://nrm.uz/contentf?doc=605089_postanovlenie_prezidenta_respubliki_uzbekistan_ot_28_11_2018_g_n_pp-4037_o_merah_po_dalneysheму_rasshireniyu_i_ukrepleniyu_dvustoronnego_sotrudnichestva_meydu_respublikoy_uzbekistan_i_francuzskoy_respublikoy&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana (дата обращения: 05.04.2022).
 42. *Grynspan E.* En Ouzbékistan, les groupes français parient sur l'ouverture économique du pays. *Le monde*. 06.11.2021.
 43. Swiss Cooperation Strategy Central Asia 2017–2021. Bern, 2017. https://www.eda.admin.ch/dam/deza/en/documents/laender/swiss-cooperation-strategy-central-asia-2017-2021_en.pdf (дата обращения: 05.04.2022).

44. Uzbekistan joins the Global Trade Facilitation Program. *The Tashkent Times*. 17.02.2021. <https://tashkenttimes.uz/economy/6420-uzbekistan-joins-the-global-trade-facilitation-program> (дата обращения: 05.04.2022).
45. Mission effectuée au Kazakhstan, en Ouzbékistan et au Turkménistan. Rapport d'information 412 (97-98) – commission des affaires économiques. https://www.senat.fr/rap/r97-412/r97-412_mono.html (дата обращения: 05.04.2022).
46. Россия выделит \$8,2 млн на совершенствование налоговой системы Узбекистана. *Газета.uz*. 17.07.2019. <https://www.gazeta.uz/ru/2019/07/17/tax-reform/> (дата обращения: 05.04.2022).

REFERENCES

1. Geographical Distribution of Financial Flows to Developing Countries 2021. OECD, 2021. https://read.oecd-ilibrary.org/development/geographical-distribution-of-financial-flows-to-developing-countries-2021_a50961e5-en-fr#page872 (accessed: 05.04.2022).
2. Riddell R.C. Does foreign aid really work? New York: Oxford University Press, 2008.
3. Lancaster C. Foreign Aid: Diplomacy, Development, Domestic Politics. London: University of Chicago Press, 2007.
4. Francisco P., Moreira S.B., Caiado J. Identifying differences and similarities between donors regarding the long-term allocation of official development assistance // *Development Studies Research*. 2021. Vol. 8:1. Pp. 181–198.
5. Sachs J. The end of Poverty. New York: Penguin Books, 2005.
6. Rajan R.G., Subramanian A. Aid and Growth: What Does the Cross-Country Evidence Really Show? // *Review of Economics and Statistics* 90, 2008. <http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true%7B&%7Ddb=bth%7B&%7DAN=34867990%7B&%7Dsite=ehost-live> (accessed: 05.04.2022).
7. Bickenbach F., Mbelu A., Nunnenkamp P. Is Foreign Aid Concentrated Increasingly on Needy and Deserving Recipient Countries? An Analysis of Their Indices, 1995–2015 // *World Development*. 2019. Vol. 115. Pp. 1–16.
8. Sarah Blodgett Bermeo. Aid Allocation and Targeted Development in an Increasingly Connected World // *International Organization*. 2017. Vol. 71 (4). Pp. 735–766.
9. Pacquement F. The development aid system of France and the United Kingdom: benchmarks on fifty years of developments since decolonization // *International Development Policy*. *International journal of development policy*. 2010. Vol. 1. Pp. 55–80. <https://journals.openedition.org/poldev/114> (accessed: 05.04.2022). (in Fr.).
10. Lundsgaarde E., Breunig C., Prakash A. Instrumental Philanthropy: Trade and the Allocation of Foreign Aid // *Canadian Journal of Political Science*. 2010. Vol. 43. Pp. 733–761.
11. Riddell R.C. Does Foreign Aid Really Work? An Updated Assessment. Acton: Australian National University – Development Policy Centre, 2014.
12. Collier P., Hoeffler A. Violent Conflict. / in *Global Problems: Global Solutions*, ed. by B. Lomberg. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Pp. 129–156.
13. Frot E., Santiso J. Herding in Aid Allocation // *Kyklos*. 2011. Vol. 64(1). Pp. 54–74.
14. Dabla-Norris E., Minoiu C., Zanna L.F. Business Cycle Fluctuations, Large Macroeconomic Shocks, and Development Aid // *World Development*. 2015. Vol. 69. Pp. 44–61.

15. *Clunies-Ross A., Forsyth D., Huq M.* Development economics (1st ed.). Berkshire: McGraw-Hill Higher Education, 2009.
16. *Arndt C., Jones S., Tarp F.* Assessing foreign aid's long-run contribution to growth and development // *World Development*. 2015. Vol. 69. Pp. 6–18.
17. *Doucouliagos H., Paldam M.* Aid effectiveness on accumulation: A meta study // *Kyklos*. 2006. Vol. 59 (2). Pp. 227–254.
18. *Moyo D.* Dead aid: Why aid is not working and how there is a better way for Africa. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2009.
19. *Gomanee K., Morrissey O., Mosley P., Verschoor A.* Aid, government expenditure, and aggregate welfare // *World Development*. 2005. Vol. 33(3). Pp. 355–370.
20. *Riddell R.C.* Does foreign aid really work? New York: Oxford University Press, 2008.
21. *Guillaumont P., Chauvet L.* Aid and Performance: A Reassessment // *Journal of Development Studies*. 2001. Vol. 37(6). Pp. 66–92.
22. Other official providers not reporting to the OECD. <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/18b00a44-en/index.html?itemId=/content/component/18b00a44-en#section-d1e57224> (дата обращения: 05.04.2022).
23. *Malik A., Parks B., Russell B., Lin J., Walsh K., Solomon K., Zhang S., Elston T., Goodman S.* Banking on the Belt and Road: Insights from a new global dataset of 13,427 Chinese development projects. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2021.
24. *Yau Tsz Yan.* Chinese Business Briefing: Yuan Welcome, But Flights Cancelled. *Eurasianet*, 4 February 2020. <https://eurasianet.org/chinese-business-briefing-yuan-welcome-but-flights-cancelled> (дата обращения: 05.04.2022).
25. Description of the state debt situation and dynamics of the Republic of Uzbekistan (I half of the 2021 year). Ministry of Finance of the Republic of Uzbekistan. https://www.mf.gov.uz/media/file_uz/davlat_karzi/2021/nashrlar/Iyarim_2021.pdf (accessed: 05.04.2022) (in Uzb.)
26. *Hashimova U.* Uzbekistan Increasingly Turns to China for Development Loans // *Eurasia Daily Monitor*. 2019. Vol. 16. <https://jamestown.org/program/uzbekistan-increasingly-turns-to-china-for-development-loans> (accessed: 05.04.2022).
27. *Umarov T.* China Looms Large in Central Asia. *Carnegie Moscow Centre*, 30.03.2020. <https://carnegiemoscow.org/commentary/81402> (accessed: 05.04.2022).
28. *Wang Y.* Offensive for defensive: the belt and road initiative and China's new grand strategy // *Pacific Review*. 2016. Vol. 29. Pp. 455–463.
29. *Custer S., Sethi T., Solis J., Lin J., Ghose S., Gupta A., Knight R., Baehr A.* (2019). Silk Road Diplomacy: Deconstructing Beijing's toolkit to influence South and Central Asia. Williamsburg, VA. AidData at William & Mary, 2019.
30. Policy of country assistance to the Republic of Uzbekistan, March 2017. *Official website of the Embassy of Japan in the Republic of Uzbekistan*. <https://www.uz.emb-japan.go.jp/files/000306082.pdf> (accessed: 05.04.2022). (In Russ.).
31. *Madimarov A., Aripova M.* Uzbekistan – Japan: traditional friendship and mutually beneficial cooperation. Institute for Strategic and Regional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan. *Institute for Strategic and Regional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan*, 27.07.2020. <http://isrs.uz/en/maqolalar/uzbekistan-i-aponia-sotrudnicestvo-osnovannoe-na-vzaimovyygodnyh-interesah> (accessed: 05.04.2022).

32. An emergency shutdown occurred at the Turakurgan thermal power plant. *Gazeta.uz*. 20.11.2020. <https://www.gazeta.uz/ru/2020/11/20/turakurgan> (accessed: 05.04.2022). (In Russ.).
33. Mitsubishi won the tender for the construction of the Turakurgan thermal power plant. *Gazeta.uz*. 26.10.2016. <https://www.gazeta.uz/ru/2016/10/26/tes> (дата обращения: 05.04.2022). (In Russ.).
34. *Rakhimov M., Sung Dong Ki*. Uzbekistan and South Korea: towards a special relationship // The Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program Joint Center, 10 JUNE 2016. <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13369-uzbekistan-and-south-korea-towards-a-special-relationship.html> (accessed: 05.04.2022).
35. *Guffler K., Harutyunyan A., DiLorenzo M., Sethi T., Eppler M., Heinelt M.S.* Development Cooperation from a Partner Perspective. How can Germany and other donors perform better in the eyes of their partner countries? German Institute for Development Evaluation (DEval), Bonn, 2020.
36. *Dadabaev T.* Chinese, Japanese, and Korean Inroads into Central Asia: Comparative Analysis of the Economic Cooperation Roadmaps for Uzbekistan. East-West Center, 2019.
37. *Dadabaev T.* Transcontinental Silk Road Strategies: Comparing China, Japan and South Korea in Uzbekistan. Abingdon, Oxon, UK: Routledge, 2019.
38. *Peyrouse S.* A Donor Without Influence. The EU in Central Asia. *PONARS Eurasia Policy Memo* No. 478. 2017. www.ponarseurasia.org/memo/donor-without-influence-european-union-central-asia (дата обращения: 05.04.2022).
39. European Parliament recommendation of 26 March 2019 to the Council, the Commission and the Vice-President of the Commission / High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy on the new comprehensive agreement between the EU and Uzbekistan. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2019-0224_EN.html (дата обращения: 05.04.2022).
40. Commission Delegated Regulation (EU) 2021/576 of 30 November 2020 amending Annex III to Regulation (EU) No 978/2012 to include the Republic of Uzbekistan among the countries benefiting from tariff preferences under the GSP+ // *Official Journal of the European Union*, 2021. Vol. 64. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:L:2021:123:TOC> (accessed: 05.04.2022).
41. Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan dated 28.11.2018 No. PP-4037 "On measures to further expand and strengthen bilateral cooperation between the Republic of Uzbekistan and the French Republic". https://nrm.uz/contentf?doc=605089_postanovlenie_prezidenta_respubliki_uzbekistan_ot_28_11_2018_g_n_pp-4037_o_merah_po_dalneyshemu_rasshireniyu_i_ukrepleniyu_dvustoronnego_sotrudnichestva_mejdu_respublikoy_uzbekistan_i_francuzskoy_respublikoy&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana (accessed: 05.04.2022). (In Russ.).
42. *Grynszpan E.* In Uzbekistan, French groups are betting on the economic opening of the country. *Le monde*. 06.11.2021. (In Fr.).
43. Swiss Cooperation Strategy Central Asia 2017–2021. Bern, 2017. https://www.eda.admin.ch/dam/deza/en/documents/laender/swiss-cooperation-strategy-central-asia-2017-2021_en.pdf (accessed: 05.04.2022).

44. Uzbekistan joins the Global Trade Facilitation Program. *The Tashkent Times*. 17.02.2021. <https://tashkenttimes.uz/economy/6420-uzbekistan-joins-the-global-trade-facilitation-program> (accessed: 05.04.2022).
45. Mission to Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenistan. Information report 412 (97-98) – Committee on economic affairs. https://www.senat.fr/rap/r97-412/r97-412_mono.html (accessed: 05.04.2022). (In Fr.).
46. Russia will allocate \$8.2 million to improve the tax system of Uzbekistan. *Gazeta.uz*. 17.07.2019. <https://www.gazeta.uz/ru/2019/07/17/tax-reform> (accessed: 05.04.2022). (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 20.12.2021 г.

ABOUT THE AUTHOR

Romanchuk Ekaterina Sergeevna – postgraduate student, Junior Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
kate.romanchuk@ya.ru

SUPPORT OF THE OECD MEMBER STATES AND MULTILATERAL INSTITUTIONS TO THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

In the last few years, Uzbekistan has become one of the main recipient of official development assistance funds, addressed to the states of post-Soviet space. This article analyzes the structure of this support, the dynamics and the key motives of developed states to support the economic development of Uzbekistan. The donors are divided into three groups depending their contribution: Asian states; countries outside the region, and international institutions, including multilateral development banks. It was concluded that cooperation with the People's Republic China (the PRC), seems to be the most effective for Uzbekistan in the short term. In the long term, taking into account a need for structural reforms in the country, cooperation with multilateral development institutions, as well as with Japan, Republic of Korea and European states will bring more benefits.

Keywords: *official development assistance, OECD, Uzbekistan, multilateral institutions.*

JEL: F34, F35.